

Евгений Салиас-де-Турнемир

Сполохъ и майданъ
(Отрывокъ изъ романа
времени Пугачевщины)



Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир
Сполохъ и майданъ
(Отрывокъ изъ романа
времени Пугачевщины)

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2370855

Аннотация

Отрывок из исторического романа Е.А. Салиаса «Пугачевцы»
в оригинальной орфографии.

Содержание

...XV	4
XVI	9
XVII	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Евгеній Саліось

Сполохъ и майданъ

(Отрывокъ изъ романа времени Пугачевщины)

...XV

Ночью лунной ѣдутъ два казака на коняхъ. Уже давно они въ пути, давно выѣхали изъ Каинова-Гая и безъ конца степь необозримая, и все въ ней молчить, притаилось. Межъ небомъ и землею тишь чудесная, да птицы; ни звѣря, ни человѣка, ни единого вопля, иль вздоха... Синяя степь да лунное небо, да два казака на коняхъ.

– Богу-Господу молиться тутъ важно! вымолвилъ старый бѣлобородый Макаръ. Я съизмала въ храмахъ не охотникъ молиться, гдѣ народу много. То-ли дѣло въ степи-матушкѣ... А ты, молодецъ, какъ посудишь? Молодой всадникъ потрянулъ головой.

– Старина! Тѣло твое захирѣло, въ гробъ просится, ну, у тебя въ головѣ и молитвы. Молодому казаку въ степи этой подстать проскакаться иль пѣсню лихую затянуть про кралою свою... звонкимъ голосомъ сказалъ молодой русый.

– Кралою?!..

– Такъ молвять, старина, въ Литвѣ... Краля, аль казачка, зазноба дѣвица, что плачетъ по тебѣ воспоминаючи.

– А былъ ты въ Литвѣ долгонько знать?

– Еще десять мѣсяцевъ накинъ – годъ будетъ!

– Ты... чаю... самъ-отъ ляхъ... хоть и казацкая одежда на тебѣ. Молодой шевельнулся, – но только перебралъ поводъ въ другую руку.

– Изъ Литвы – такъ и ляхъ! Эхъ, старинушка!

– А коли нѣтъ, такъ скажись, откуда родомъ?

– Изъ матери родимой!

– Не сказывай, Господь съ тобой. Ну, а путь твой каковъ, молодець? Не взыщи – званья тебѣ не вѣдаю.

– Званье мое – проходимецъ, а путь мой, старинушка, окольній; отъ батюшки-лѣса къ матушкѣ-степи съ поклономъ.

– Слыхали мы такъ-то...

– Назвался языкомъ, ну и кажи дорогу на Узени, а куда мнѣ съ конемъ путь лежитъ, да нелегкая несетъ, того, старина, вѣдать тебѣ можетъ не подь-силу. Будь тебѣ годовъ поменѣе, открылся бы я во всемъ, а въ старыхъ потребы нѣтъ... Одно любо мнѣ, что вѣры ты старой.

Макаръ тоже шелохнулся и зорко глянулъ.

– А по чемъ судишь, прохожій человекъ?

– Отрицаешься что-ли?..

– Грѣха сего на душу не приму... Да почто мнѣ и таить-

ся... степи наши ни разумомъ, ни окомъ не смѣришь... а тѣснители и гонители степи не жалуютъ.

Замолчали всадники и проѣхали такъ немало; только копыта коней стучали по землѣ, да звѣздочки моргали съ неба...

— Подлинно-ли бывалъ ты въ столицѣ, старина, какъ сказывалъ на роздыхѣ?

— По наряду, службу несъ... Ходилъ противъ нехристей, бывалъ и въ столицѣ.

— И видалъ, сказываешь, государя покойнаго, Петра Федорыча?...

— Царство небесное ему батюшкѣ, самолично отвѣтствовалъ ему... Когда изволилъ окликнуть: "Съ какой стороны, молодецъ?" "Съ Узеней, ваше величество!" крикнулъ я такъ вѣжливо!

— А много-ль на Узеняхъ кто видалъ государя?..

— Сказываю опять тебѣ: одинъ я... Посему и почетъ мнѣ на дому великъ, что одинъ я бывалъ въ столицѣ.

И снова смолкли всадники... И вплоть до зари не молвили слова.

Тихо подвигались кони по степи и въ дремотѣ, одолеваящей очи, тихо покачивались на сѣдлахъ ѣздоки утомленные.

Сползъ тихонько съ неба на землю золотой мѣсяцъ и покраснѣвши ушелъ въ землю за окраиной степи... Зардѣлась заря алая, ясная.

Вѣтерокъ пронесся свѣжій и шевельнулъ стариковой бо-

родой сѣдой, свиснуль надъ ухомъ молодца, встряхнувь полой его кафтана и стихъ, и умчался далече... Знать къ морю Каспію, персидскія суда по волнамъ гонять!..

Скоро вспыхнула вся степь раздольная, словно пожаромъ краснымъ охватило ее... Глянуль на концѣ земли царевичъ всесвѣтнѣйшій и пошелъ подыматься, тихо и плавно, въ высокое небо, раскидывая лучи безчисленные по доламъ, рѣкамъ и дубровамъ; зарумянилась степь, горить, сіяетъ... Но все молчитъ недвижимо и безжизненно... Загорѣлись алымъ огнемъ кони и всадники. Сняль старикъ съ бѣлой головы шапку и заправивъ за ухо кудри сѣдые, перекрестился три раза.

– Новый денекъ Господь увидѣтъ сподобилъ. Что не ломишь шапки, молодець, прохожій человѣкъ, аль на твой обычай не гоже оно?!

Русый незнакомецъ только прищурился отъ луча яркаго, что прыгнуль ему въ лицо изъ за края земли, и ощупавъ pistols за кушакомъ, вздохнуль тяжело.

– Басурманятся люди нынѣ... Господи-Батюшка! тихо прошепталъ Макаръ. А може онъ и татаринъ.

Солнце красное было уже высоко, когда незнакомецъ опять заговорилъ.

– Ну что же, старина, далеко-ль Яксай? Обнадеживаль ты къ полудню будемъ.

– Ранѣ будешь... Всего верстъ два десятка. Примѣчай, молодець. Вонъ на небѣ облачко, караваемъ выглядить... Ну, бери отъ него внизъ, да влѣво... къ степи. Вишь свѣт-

ленько малость?

– Вижу.

– То Яксайская станица и хата Чики Зарубина. У него дружище его и кумъ, Чумаковымъ звать, разбойничаетъ въ округъ сей. Я чаю, видѣль въ Гаѣ, у батьки.

– Съ чего же свѣтъ такой?...

– А новая изба то, лѣсина вся свѣжая, въ Троицу годовалая будетъ. Все строенъе новешенько... Диво дивное какъ сему казаку алтынами дождить... Кумъ Чумаковъ, должно ворованымъ почтуеть. Грѣховный народъ.

– Вѣрно-ли сказываешь, что то Чикинъ умѣтъ?

– Эва! Я родился въ Яксаѣ, такъ кому-жъ знать!

Незнакомецъ словно вздохъ подавилъ въ себѣ, приостановилъ было коня, натягивая поводья, и опять пустилъ, но чрезъ полчаса опять остановилъ и тяжело вздохнулъ:

– Насталъ часъ твой, старикъ, подумалъ онъ. Ломить молнія дубъ – по листочкамъ бѣжить!!..

XVI

Среди синей, дремлющей степи, меж двухъ рѣчекъ, раскинулась большая Яксайская станица. Хаты и задворки, все переплелось съ зеленою садовъ и огородовъ. Яблони, груши, вишенья вездѣ топырять свои вѣтки, вездѣ проползла змѣмъ хмѣль лохматая и по хатамъ, и по деревьямъ, и по сучьямъ, вплоть до маковыхъ, и по плетнямъ и на дорогу выползла, подъ колеса лѣзеть...

Солнце жаркое стоитъ середь чистаго неба. Въ уголкѣ этомъ и сентябрь маемъ выглядѣть хочетъ. Но все же невеселый видъ у станицы. Деревя желтизной уже покрыты, плодовые деревья не гнутся отъ приплода; оголили уже ихъ и обокрали хозяева, да переломали и сучья... Приуныли садики... Одна хмѣль воюеть со всѣми и хочетъ, знать, все ухватить въ лапы и перевязать, какъ каторжныхъ, хату съ крылечкомъ, а его съ яблоней, а дерево съ заборомъ. Ей всѣ равны, знаетъ лазаетъ да путаетъ.

Хоть и тепло грѣеть солнце, а скоро помирать степи синей. Скоро, гдѣ теперь жаворонокъ заливается, дрозды и скворцы дробью перелетаютъ, гдѣ колокольчики степные молчаливо киваютъ головками, скоро заглохнетъ все подъ глыбами снѣговыми и пойдетъ гулять по степи великанъ грозный – буранъ, замата снѣгомъ и зарывая сердито все на пути, безъ разбора.

Станица тоже приуныла — мертво въ ней. Спятъ, чтоль, казаки, иль ушли куда? Одни спятъ въ полдень, другіе сидятъ по хатамъ сумрачные, потому что нечему радоваться. Недалече отъ нихъ бѣды сыплются — дойдутъ можетъ и до нихъ ненарокомъ. Яицкъ — рукой подать, а тамъ нынѣ при новыхъ порядкахъ — правый-то и виноватъ!..

На улицѣ овцы кучатся у плетней, поросята рысцей снуютъ и тыкаютъ мордами то заборъ, то кучу, то другъ дружку; бродятъ куры и пѣтухи важно расхаживаютъ и воюютъ. Кой-гдѣ лошадь спутанная подпрыгиваетъ и подбриваетъ травку, что посвѣжѣе да по слаще. Кой-гдѣ корова лежитъ, жуеть-пережевываетъ и глядитъ предъ собой не сморгнувъ, будто думу думаетъ.

Близъ хатъ, на крылечкахъ, а то и середь улицы казачата сидятъ, лежатъ, борются, скачутъ, кричатъ, кто въ кафтанѣ, кто въ рубашкѣ, кто въ порткахъ однихъ, а иной такъ совсѣмъ на легкѣ, въ чемъ мать родила.

Изрѣдка выглянетъ кто изъ взрослыхъ, больше старухи, иль перебѣжитъ черезъ улицу казачка и спѣшитъ назадъ въ хату съ яблоками въ подолѣ; разроняетъ съ десятокъ на бѣгу... Ну ихъ, этого добра вездѣ много теперь; ихъ и казачата подбираютъ больше ради потѣхи.

Не вездѣ же одни ребятишки, вонъ направо у кладбища, гдѣ рощица, за плетнемъ, гдѣ и густо, и тихо, и темно — бѣлѣется что то, то выглянетъ, то пропадетъ...

Недалеко отъ храма пробѣжалъ къ кладбищу молодой ка-

закъ, оглянулся и перемахнулъ ограду, увязъ было въ хмѣлю да выдрался и пропалъ между зеленою и бѣлыхъ могильныхъ крестовъ. Разговоръ тихій слышится оттуда, потомъ еще что то чуднѣе! чего – чуднѣе? Просто целуются!!

Казакъ этотъ Максимъ Шигаевъ, по прозвищу Марусенокъ – первый красавецъ и озорникъ на станицѣ.

Сказываютъ, что онъ сынъ Чумакова, сказываютъ тоже, что онъ пріемышъ Чики Зарубина. Оба казака души не чаютъ въ Марусенкѣ. Можетъ оттого, что покойницу, его мать, Марусю, выкраденную изъ Украины, оба любили крѣпко...

Въ новой хатѣ Зарубина, въ образномъ углу свѣтлой горницы сидитъ красивый русый малый. Онъ пріѣхалъ уже дня съ три въ станицу и остановился у Чики, но на улицу ни разу не выходилъ и помимо хозяевъ ни съ кѣмъ не видался.

Давно сидитъ онъ одинъ въ горницѣ. Казаки ушли, а бабамъ не дозволено входить къ нему. Русая голова его склонилась, синіе большіе глаза задумчиво смотрятъ на связки табачныхъ листьевъ, которые развѣшаны сушиться по стѣнѣ, но ничего не видятъ глаза... ни стѣны, ни связокъ, ни горницы. Словно жизнь отлетѣла отъ нихъ и унеслась туда же гдѣ носится мысль его. А гдѣ? Далеко отъ станицы Яксайской и степей Яицкихъ.

Незнакомецъ видитъ хоромы, какихъ и не грезилось казакамъ. Садъ столѣтній, большой и густой... Народъ бродитъ тамъ, но не по казацки одѣтый и не по русски. Вотъ морщинистое лицо старушки – тетки его, угрюмое, суровое, силь-

ное волей желѣзной. Не жалѣеть она пріемыша, а ждетъ въ-сти – и не доброй, а громкой!! Вотъ другое красивое лицо, черноокоє. Оно плачетъ предъ разлукой, оно жалѣеть жениха. Сидѣть бы дома, тихо и мирно, не играя своей жизнью...

На крыльцѣ застучали каблуки, заскрипѣли ступени и здоровый казакъ, невысокій, но плечистый, вошелъ въ горницу. Это былъ Чика Зарубинъ.

– Ну? нетерпѣливо вымолвилъ незнакомецъ.

– Скоро, государь!.. Въ сей часъ донцы наѣхали, купецъ Ивановъ съ Твороговымъ и Лысовымъ. Да вотъ забота, – Чумаковъ съ ними прилетѣлъ. Онъ уже давно въ бѣгахъ. Узнають – бѣда, скрутятъ и прямо въ Яицкій острогъ, да въ Сибирь. Покуда ты донцамъ откройся, государь. Они нашей руки, войсковой.

– Стало сегодня, сейчасъ? боязливо вымолвилъ пріѣзжій.

– Сейчасъ! Марусенокъ, крестникъ, за ними побѣжалъ да что-то замѣшкался. У него, дурня, завсегда дѣло съ бездѣльемъ объ руку идетъ.

Незнакомецъ всталъ и нерѣшительно, медленно подошелъ къ окну, отошелъ снова, взялся за голову. Лицо его измѣнилось и потускнѣло... Долго молчали оба. – Казакъ хозяинъ почтительно сталъ у дверей.

Что думалъ молодой красавецъ? Онъ молился про себя... Дерзкое, трудное дѣло начиналъ онъ. Великій грѣхъ бралъ на совѣсть... А кто скажетъ: онъ ли отдастъ отвѣтъ Богу за послѣдствія его нынѣшняго, перваго, главнаго шага; или от-

вѣтъ дадутъ невѣдомые лихіе люди, что привыкли играть огнемъ, что жжетъ не ихъ самихъ, а ихъ жертвы?.. Не отступить ли пока время! Зачѣмъ? Какъ знать, что судиль ему Богъ!.. Бывали примѣры на Руси! Правда, въ иное время, полтораста лѣтъ назадъ...

На крыльцо вбѣжалъ Шигаевъ, оправился, и степенно вошелъ въ горницу.

— Ты опять съ Грунькой! шепнулъ Чика. Долазѣешь до бѣды! Чего головой мотаешь? Кладбище то отсель видать... говорю — долазѣешь!

— Слыхали! нетерпѣливо отозвался Марусенокъ и прибавилъ громче: Макара привезли; убили въ степи... Сейчасъ сюда будутъ казаки, государь.

— Кто убилъ то? Невѣдомо? спросилъ Чика.

— Пуля то знаетъ, да не сказываетъ! усмѣхнулся Марусенокъ.

— Жаль дѣда Макара! обратился Чика къ незнакомцу. Онъ въ Питерѣ бывалый и твое величество, я чаю, видывалъ.

Незнакомецъ ничего не отвѣтилъ, слегка измѣнился въ лицѣ и отвернулся къ окну.

— "Помереть и тебѣ окаянно, середь степи"... пришли ему невольно на память слова убитаго имъ старика.

Казаки отошли въ уголь и зашептались.

— Меня не послушаетъ, ты упроси. Пусть хоть на улицу не выходитъ, говорилъ Чика. То бѣгунъ былъ, а то вдругъ нонѣ прилѣзъ.

– Увидить старшина Матвѣй, въ тотъ часъ колодку надѣнетъ и въ Яицкъ свезетъ! отвѣчалъ Марусенокъ грустно.

Снова застучали на крыльцѣ и въ горницу вошелъ казакъ среднихъ лѣтъ, широкоплечій и сутуловатый, съ черной рѣдкой бородой клинушкомъ и съ пятномъ на лбу. Это былъ тотъ же купецъ Ивановъ, одѣтый теперь по казацки – и на видъ совсѣмъ другой человѣкъ. Войдя, онъ опустилсѣ на колѣна, поклонился русому до земли и снова ставъ на ноги, проникательно, востро глянуль карими глазами въ лицо незнакомца.

Сразу не полюбилося незнакомцу это лицо и ястребинный взглядъ. Они поглядѣли другъ дружкѣ въ глаза... Словно мѣрились, выходя на поединокъ. Усмѣшка какъ будто скользнула по лицу казака и мгновенно скрылась. Привѣтствіе-ли, радость-ли простаковъ сказала въ усмѣшкѣ той? Нѣтъ! мысль приткая, но затаенная головы хитрой невольно отразилась на лицѣ. Смутился слегка незнакомецъ отъ усмѣшки этой и отвелъ глаза въ сторону.

– Не Зарубину чета – человѣкъ этотъ! Скверный глазъ у него, подумаль онъ. Довѣриться ли ему?

– Ты донецъ. Какъ звать тебя?

– Съ Дону, государь. Купцомъ зови, Ивановымъ. А во святомъ крещеніи – Емельянъ.

– Повѣдалъ тебѣ Зарубинъ о милости Господней и великой чести, что нынѣ посѣтила войско яицкое?

Казакъ не отвѣчалъ, но снова опустилсѣ на колѣни... сно-

ва поклонился до земли, но все не потухали и сверкали малые каріе глаза его. Вошли еще трое донцовъ — Лысовъ, Твороговъ и Овчинниковъ.

XVII

Вечерѣло. Солнце зашло давно, а полѣ-неба все еще горѣло словно пожаръ. На станицѣ слышались пѣсни, а отъ казелей несея рѣзвый хохоть и проносился по слободѣ. По задворкамъ тихо крался казакъ, оглядываясь по сторонамъ, — все тотъ же Марусенокъ. Шигаеву всего 20 лѣтъ, и въ станицѣ Яксайской онъ первый красавецъ и умница, первый мотыга и пьяница; къ тому же Марусенокъ, бывало на майданѣ, хотъ малолѣтокъ, голосъ подавать — первый былъ, дѣло разсудить, расправу казацкую учинить, краснобайствовать не хуже Чумакова, супротивниковъ и несогласниковъ припереть и осмѣять — онъ же первый. Товарищей подпоить, перепить и набуянить; по оврагамъ да по рошицамъ съ казачками возиться, а ночью красться ради нихъ — онъ тоже первый. И теперь не даромъ Марусенокъ бѣжитъ на выгонъ; ждетъ его близъ рѣчки, подъ вязомъ, Груня, родственница старого и почитаемаго казака Матвѣя, чтó должность старшины править на станицѣ, и первая красавица изъ всѣхъ казачекъ станичныхъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.